

## Список использованных источников

1. Барбур, И. Этика в век технологий / И. Барбур. – М.: Библ.-богосл. ин-т св. ап. Андрея, 2001. – 403 с.
2. Леопольд, О. Календарь песчаного графства / О. Леопольд; пер. с англ. И. Г. Гуровой; под ред. А. Г. Банникова. – 2-е изд., стер. – М.: Мир, 1983. – 248 с.
3. Лисеев, И. К. Экологическая этика в условиях новой экологической культуры / И. К. Лисеев // Философия и этика: сб. науч. тр. к 70-летию акад. А. А. Гусейнова / Ин-т философии; отв. ред. и сост. Р. Г. Апресян. – М., 2009. – С. 723–736.
4. Митюнин, А. Хиросима химической индустрии: хроники забытых катастроф [Электронный ресурс] / А. Митюнин // Lib.ru: журн. «Самиздат». – Режим доступа: [http://samlib.ru/m/mitjunin\\_a/hir.shtml](http://samlib.ru/m/mitjunin_a/hir.shtml). – Дата доступа: 08.05.2019.
5. Посталовский, А. В. Национальное информационное поле в контексте вызовов и угроз современного мира: социологическое измерение: монография / А. В. Посталовский. – Минск: РИВШ, 2019. – 236 с.
6. Ровинская, Т. Л. Механизмы участия средств массовой информации в экологической политике / Т. Л. Ровинская // Полит. наука. – 2010. – № 2. – С. 177–202.
7. Швейцер, А. Благоговение перед жизнью: [сб. работ]: пер. с нем. / А. Швейцер; общ. ред. А. А. Гусейнова, М. Г. Селезнева. – М.: Прогресс, 1992. – 572 с.
8. Rolston, H. A new environmental ethics: the next millenium for life on Earth / H. Rolston. – New York; London: Routledge, 2012. – 246 p.

(Дата подачи: 19.02.2020 г.)

*В. Н. Семенова*

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

*V. Semenova*

Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 321.01

## ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛЯ СОВРЕМЕННОСТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ОТ ПОЗДНЕГО МОДЕРНА К ПОСТМОДЕРНУ<sup>1</sup>

## FORMATION OF THE CONTEMPORARY IDEOLOGICAL FIELD IN THE POST-SOVIET SPACE: FROM LATE MODERNITY TO POSTMODERNITY

---

<sup>1</sup> Статья выполнена при поддержке гранта БРФФИ в рамках темы «Антропологические и аргументологические основания межкультурной коммуникации и диалога культур» (№ Г18Р-211 от 30.05.2018 г.).

*В статье раскрываются причины и особенности кризиса традиционных политических идеологий при переходе от позднего модерна к постмодерну. Характеризуется идеологическое поле современности на постсоветском пространстве на примере российских политических идеологий. Выявляются особенности формирования новых гибридных политических идеологий, раскрываются их типовые характеристики.*

*Ключевые слова:* традиционные идеологии; политико-идеологический консенсус; гибридные идеологии; постмодерн; симулятивные идеологии.

*The article studies the reasons and features of the crisis of traditional political ideologies during the transition from late modernity to postmodernity. The author uses the example of political ideologies in Russia in order to identify the main characteristics of the contemporary ideological field in the post-Soviet space. Special attention is given to the tendencies of the development of new hybrid political ideologies and their typical features.*

*Keywords:* traditional ideologies; political and ideological consensus; hybrid ideologies; postmodernity; simulative ideologies.

В 50–60-х гг. XX в. ряд западных философов и социологов (Д. Белл, Д. Гэлбрейт, З. Бжезинский, Р. Нисбет, Р. Арон, Р. Дарендорф, Э. Фишер, Л. Колаковски) выдвинули теории деидеологизации. Среди предпосылок этих теорий – увеличение численности среднего класса и формирование постиндустриального общества в западных странах; послевоенный экономический подъем в СССР; потенциальная конвергенция социалистической и капиталистической моделей развития; «хрущевская оттепель» и временная идеологическая и политическая «разрядка» после Карибского кризиса. Наиболее проработанные теории деидеологизации были представлены в работах Р. Арона «Опиум интеллектуалов» (1955) и Д. Белла «Конец идеологии» (1960).

Идея «смерти идеологии» была реанимирована в программной статье Ф. Фукуямы «Конец истории?» (1989), предсказывавшей завершение истории как радикальной конфронтации идеологий и установление единого универсального либерального политического порядка. В работе С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций» (1993) также утверждается трансформация противостояния идеологий в противостояние (столкновение) цивилизаций.

Все это свидетельствовало о назревающем во второй половине XX в. кризисе традиционных политических идеологий (Н. В. Буковская, К. С. Гаджиев, М. В. Гринь, Д. Э. Летняков, А. А. Трунов, Дж. Шварцмантель) [3–5; 9; 11; 12]. Сформировавшиеся в XIX в. традиционные идеологии ко второй половине XX в. исчерпали свой эвристический потенциал, а в конце XX – начале XXI в. оказались неспособными адекватно оценить происходящие трансформации и эффективно ответить на новые вызовы времени. В 90-е гг. на постсоветском пространстве традиционным идеологиям не удалось предложить новые политические проекты социально-политического и культурного развития модернизирующихся обществ.

Следствием данного кризиса становится неактуальность дальнейшего использования дихотомии «левые – правые» идеологии; появление нетрадиционных гибридных и альтернативных идеологий, обращающихся к ценностям постиндустриального общества; переструктурирование идеологического поля современности с постепенным теоретическим и институциональным оформлением идеологий постмодерна. Характеризуя идеологическое поле современности, Н. А. Баранов отмечает, что «правые и левые идеологии в своей нынешней форме во многом утратили свою силу, поэтому происходит взаимное проникновение новых идеологических течений и классических, в результате чего создается порой эклектический идеологический синтез» [2, с. 32]. Нетрадиционные политические идеологии конца XX – начала XXI в. все чаще характеризуются как гибридные и частные. В эпоху постмодерна происходит «дисперсия идеологического» [10]: хотя идеологическое поле современности до сих пор пронизано идеями традиционных идеологий («демократия», «права человека», «свобода», «справедливость»), они существенным образом трансформировались под воздействием внешних факторов, в результате взаимопроникновения идей и междеологических консенсусов.

Если идеологии модерна выступали с критикой современных им политических порядков и концентрировали свое внимание на перспективах будущего развития, воплощенных в парадигме Просвещения, то идеологии постмодерна заняты не проектированием будущего, а «оправданием существующего порядка вещей. Речь идет о легитимации установленного верховной властью политического порядка» [8, с. 116].

Можно выделить следующие характеристики идеологий в эпоху постмодерна:

1. Отсутствие фундаментальной идейно-политической платформы и стратегической цели. Некоторые из идеологий даже не пытаются дать теоретическое обоснование своим принципам и системе идей, уповая на тактику – протестную уличную борьбу («уличная политика»).

2. Политический прагматизм, отсутствие проектного характера и ориентация на настоящее из-за отсутствия у идеологий методологически продуманного и научно аргументированного фундамента.

3. Элементы идеологической всеядности и ориентация на изменчивую политическую практику формируют гибридный («лоскутное одеяло» из идей различных традиционных идеологий) и частный (не претендуют на создание целостной картины мира) характер идеологий постмодерна.

4. Идейно-политические споры в начале XXI в. осуществляются в основном в интернет-пространстве. Пассивная телевизионная аудитория и неактивные пользователи Интернета фактически исключены из идеологического обсуждения. Телевизионная публичная политика практически

не отражает реальной картины идеологического противостояния, превратившись в череду политических шоу.

5. Идеологии постмодерна склонны приобретать символический характер, «выступая в качестве своеобразных маркеров различения своих и чужих...» [11, с. 242]; зачастую имеют симуляционный характер, являясь симулякрами настоящих идеологий, современными политтехнологическими инструментами. А. А. Трунов отмечает, что «в условиях постмодерна идеологии приобретают имитационный характер и уже не играют той мобилизующей роли, которая была им присуща в эпоху модерна» [11, с. 235]. Они скорее «выполняют вспомогательную роль по отношению к PR, имиджмейкингу или обслуживанию интересов правящей бюрократии» [11, с. 241].

Поскольку постсоветские республики вступили в эпоху постмодерна поздно, период идеологической трансформации у них не завершен. Данный переходный плюралистический этап начался с радикального отказа от коммунистической идеологии, появления и идейного противостояния на постсоветском пространстве различных идейно-политических течений (либерализма, социал-демократии, консерватизма, анархизма, традиционализма, национализма и др.). Несмотря на различие в политических траекториях развития постсоветских государств, «в политико-идеологической сфере государств бывшего СССР можно обнаружить ряд общих трендов» [9, с. 129]. Обратимся к анализу идеологического поля постсоветского пространства на примере российского идейно-политического контекста 90-х гг. XX в. – начала XXI в.

Н. А. Баранов отмечает, что, «в отличие от западного идеологического дискурса, в России не стали определяющими постклассические тенденции по причине нерешенности базовых социально-экономических проблем. Но кардинальные перемены в социально-экономической, политической и социокультурной сферах приводят к корректировке фундаментальных ценностей всех основных течений общественно-политической мысли – либерализма, консерватизма, социализма» [2, с. 20].

Сложная социально-экономическая и политическая ситуация во многих республиках бывшего СССР (неудачные или затормозившиеся процессы экономической и политической модернизации; углубляющееся социальное расслоение, сокращение численности среднего класса и увеличение процента населения, живущего за чертой бедности; коррупция и дегитимизация существующих политических режимов) приводит к новому витку актуализации левых идеологий. Е. А. Китайцева полагает, что «расширение левой составляющей в политическом секторе современной России обусловлено следующими факторами: нерешенность социально-экономических проблем, остатки консервативного советского мышления, исторически сложившийся коллективистский характер российского общества, проблемы в становлении гражданского общества, отчужденность

граждан от власти, увеличивающийся разрыв между богатыми и бедными» [7, с. 77].

Отличительной особенностью идеологического поля современности стало появление и широкое распространение среди молодого поколения радикальных идейно-политических взглядов, в частности радикализированных левых идеологий. Общим местом становится критика государства и традиционных политических институций, таких как выборы, политические партии и общественные объединения, система среднего и высшего образования. Анархистским пафосом борьбы с государством оказываются пронизаны сегодня некоторые правые идеологии, такие как либертарианство (анархо-капитализм), альтернативные правые (палеоконсерватизм и др.).

В первой половине 90-х гг. в России и на постсоветском пространстве начинают формироваться так называемые «протоидеологии – идейные течения, закамуфлированные использованием иной идеологической риторики» (например, «зеленые», «либерал-демократы», «монархисты») [8, с. 117]. Однако на сегодняшний день по-прежнему наиболее влиятельными в современном российском идеологическом поле остаются либерализм, социализм, национализм и традиционализм как разновидность консерватизма.

Либерализм в России достаточно быстро трансформировался из прото-идеологии в настоящую идеологию, апогеем развития которой стали президентские выборы 1996 г., «воплощенные в противостоянии Бориса Ельцина как “либерального демократа”, политика Настоящего и Геннадия Зюганова, “коммуниста”, политика Прошлого» [8, с. 117–118]. Перед идеологией современного, в том числе российского, консерватизма стоит сложная задача проскользнуть «между Сциллой социалистического эгалитаризма и Харибдой либерального индивидуализма, между Сциллой мировой революции и Харибдой либеральной глобализации» [6, с. 10]. А вот популярный в 2000-х гг. традиционализм (например, евразийское движение, возглавляемое А. Г. Дугиным) «никогда не реконструируется в идеологию в силу иррациональности своей природы, но станет питательным гумусом или каменной почвой для расцвета или гибели других идеологий» [8, с. 117].

В процессе поиска актуальной и эффективной государственной идеологии в российском идейно-политическом пространстве наблюдается сознательная гибридизация и универсализация традиционных идеологий, нацеленная на создание консенсуса между либерализмом, консерватизмом и социализмом. Особенности формирования данного консенсуса заключаются в следующем:

1. Для государственной идеологии характерна «нечеткость, расплывчатость, скомпилированность» [8, с. 120], представляющая собой попытку усидеть на всех стульях одновременно. Данная тактика носит сознательный характер, позволяя осуществлять маневрирование между диаметрально противоположными идейными взглядами различных групп населения.

Вектор данного маневрирования однозначно левый, социал-демократический, в меньшей степени либеральный. Традиционные консервативные идеи и ценности инкорпорируются в данную универсальную идеологию в искаженном левой повесткой виде. М. Н. Афанасьев полагает, что в России нет серьезной правоцентристской политической силы, способной аккумулировать традиционные консервативные ценности в условиях господства либеральных ценностей: «в стране как не было, так и нет нормальной, цивилизованной правоцентристской политической силы с правой в классическом смысле этого слова идеологией» [1, с. 29]. В российском идеологическом поле под непосредственным руководством политической элиты взят курс на интеграцию идеологических систем (либерализма, социализма, консерватизма), которая может происходить на основе, «во-первых, сходства целей и ценностей, во-вторых, выгоды и конъюнктуры, в-третьих, принуждения и давления обстоятельств [3, с. 301].

2. Идеино-политические платформы ведущих российских идеологий (традиционализма/консерватизма, либерализма, коммунизма, социал-демократии) разработаны не научно-исследовательскими структурами или теми социальными группами, чьи интересы они должны выражать, а фактически «спускаются» сверху административными методами.

3. Насажение государственной идеологии сверху приводит к тому, что альтернативные идеологические проекты, реализуемые в нормальном политическом поле, вынуждены маргинализироваться и деградировать, а их место пытаются занять радикальные идеологии (неофашизм и его разновидности, альтернативные правые, национал-большевизм, неоанархизм), нелегитимизированные, не являющиеся частью нормального политического поля.

4. Идеиная и политическая борьба между российскими политическими партиями все очевиднее является выражением конкуренции элит: «При ближайшем рассмотрении почти всегда оказывается, что идеологические самоидентификации, используемые политиками, – не более чем бодрыйяровские симулякры, так как партии создаются либо как чисто политтехнологические проекты, призванные собрать голоса избирателей, либо как клиентелы вокруг влиятельных членов правящего класса. За идеологическим противостоянием нередко скрывается банальный внутриэлитный раскол...» [9, с. 131].

Современное российское общество, несмотря на попытки провластной элиты создать объединяющий идеологический проект («русский мир», или идеология национал-патриотизма), необходимый для поддержания существующего статус-кво, все более становится разъединенным и мультикультуральным. С большим опозданием, но постмодернизм как философская рефлексия над реальностью постмодерна распространяется и на постсоветское пространство. Пока здесь сильны и популярны левые социалистические и социал-демократические идеи, доминирует своеобразная «теология

освобождения» бедных, «униженных и оскорбленных». Левые политические силы все еще роднит пафос критики господствующего политического режима со стороны социальных групп, отчужденных от политики и распределения общественных богатств.

Постепенное размывание данных идей, связанное с объективным физическим уходом «советского» и «позднесоветского» поколений, ознаменует во второй трети XXI в. переход к постматериальным ценностям общества постмодерна и плюрализму постмодернизма, который будет строиться на либеральном принципе равных возможностей для всех, выражать идеологию среднего класса и в целом отражать логику развития позднего капитализма.

Подводя итог анализу современного состояния идеологического поля постсоветского пространства, можно сделать следующие выводы:

1. Во второй половине XX в. наблюдается кризис традиционных политических идеологий, зафиксированный в теориях деидеологизации и постиндустриального общества. Причинами «конца идеологии» являются формирование в развитых западных странах постиндустриального общества, увеличение численности среднего класса, снижение идеологического противостояния между «трудом» и «капиталом», конвергенция социалистической и капиталистической систем. Идея «конца идеологии» возрождается в 90-х гг. в новом формате победы унифицированной мировой либеральной идеологии.

2. В период перехода от позднего модерна к постмодерну происходит радикальная трансформация традиционных идеологий, усиливается их открытость и гибкость [5, с. 9]. Под влиянием установившихся в западной цивилизации либеральных идейных установок и политических принципов традиционные идеологии вынуждены включать в свои идейно-политические платформы ранее не свойственные им идеи, в политической сфере идти на компромиссы с политическими конкурентами и идейными противниками. Идейно-политические консенсусы становятся особенностью идеологического поля второй половины XX в. В 40–50-е гг. XX в. формируется либерально-социал-демократический консенсус; в 70–80-е гг. на широкое распространение радикальных левых протестных настроений «правые» ответили либерально-консервативным консенсусом. В 90-е гг. идет процесс диффузного проникновения и поиска возможной интеграции всех трех оставшихся традиционных идеологий, формируется либерально-консервативно-социалистический консенсус: «наблюдатели все же фиксируют определенные трансформации в идеологической сфере западных обществ в последние десятилетия, связанные с гибридизацией идеологических доктрин и складыванием “либерально-консервативно-социалистического идеологического консенсуса”» [9, с. 130–131].

3. В 60–70-е гг. в активную идейно-политическую борьбу вступают нетрадиционные идейные доктрины и политические идеологии: неоанархизм,

«новые левые», «новые правые», феминизм, экологизм, нью-эйдж; в 90-е гг. – антиглобализм, коммунитаризм, киберанархизм и хактивизм, либертарианство. Завершение процесса перехода к эпохе постмодерна характеризуется успешным конкурированием нетрадиционных политических идеологий со своими предшественниками. Традиционные идеологии, чтобы «удержаться на плаву», вынуждены идти на идеологическую и политическую модернизацию.

4. Попытки российской политической элиты создать объединяющую общество государственную идеологию на основе либерально-консервативно-социалистического консенсуса не дали результатов. Идеологическое поле России, как и большинства постсоветских республик, остается фрагментарным, плохо поддающимся идейной и политической интеграции. Наибольшей популярностью среди населения пользуются идеологии левого крыла идейно-политического спектра (от центристской либеральной до радикализованных вариантов коммунистической и анархистской идеологий). Социально-экономические и политические проблемы России не способствуют устойчивому формированию правоцентристских политических сил и современных реалистичных вариантов консервативной идеологии.

#### **Список использованных источников**

1. *Афанасьев, М. Н.* Типология идеологий. Правая идея / М. Н. Афанасьев // *Общественные науки и современность*. – 2011. – № 4. – С. 29–43.
2. *Баранов, Н. А.* Основные направления идеологического дискурса в современной России / Н. А. Баранов // *Политэкс*. – 2012. – Т. 8, № 2. – С. 19–32.
3. *Буковская Н. В.* Метаморфозы политико-идеологического дискурса: интеграция ценностей / Н. В. Буковская // *Политическая теория, язык и идеология*. – М.: РАПН: РОССПЭН, 2008. – 487 с.
4. *Гаджиев, К. С.* Конец или возрождение идеологии? [Электронный ресурс] / К. С. Гаджиев // *Свободная мысль*. – Режим доступа: <http://svom.info/entry/621-koniec-ili-vozrozhdenie-ideologii/>. – Дата доступа: 08.02.2020.
5. *Гринь, М. В.* Динамика либеральных идеологий в эпоху постмодерна / М. В. Гринь // *Политемат. сетев. электрон. науч. журн. Кубан. гос. аграр. ун-та*. – 2017. – № 133(09). – С. 1179–1192.
6. *Ионин, Л. Г.* Апдейт консерватизма / Л. Г. Ионин. – М.: Изд. дом ГУ – ВШЭ, 2010. – 304 с.
7. *Китайцева, Е. А.* Левая идеология в партийной структуре современной России / Е. А. Китайцева // *Вестн. РГГУ. Сер. «Философия. Социология. Искусствоведение»*. – 2010. – № 3. – С. 74–81.
8. *Кологривова, И. В.* Политические идеологии в современной России / И. В. Кологривова // *Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология*. – 2008. – № 2(3). – С. 116–123.



9. Летняков, Д. Э. Политико-идеологические тренды постсоветских обществ: попытка обобщения / Д. Э. Летняков // Полис. Полит. исслед. – 2018. – № 1. – С. 129–142.

10. Матц, У. Идеологии как детерминанта политики в эпоху модерна / У. Матц // Полис. Полит. исслед. – 1992. – № 1. – С. 130–143.

11. Трунов, А. А. Идеология в обществах модерна и постмодерна: сравнительный анализ / А. А. Трунов // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер. Философия. Социология. Право. – 2019. – № 44(2). – С. 234–243.

12. Шварцмантель, Дж. Идеология и политика / Дж. Шварцмантель. – Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2009. – 312 с.

(Дата подачи: 13.02.2020 г.)

*В. О. Серебряков*

Институт пограничной службы Республики Беларусь, Минск

*V. Serebryakov*

The Border Service Institute of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 327.001(091)(4/9)

## **НАЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК ОСНОВА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

## **NATIONAL ECONOMIC DIPLOMACY AS THE BASIS OF INTERNATIONAL RELATIONS**

*Статья посвящена вопросам экономической дипломатии. Дано определение «национальной экономической дипломатии», раскрыты исторические аспекты зарождения и поэтапного становления экономической дипломатии в мире. Определены приоритеты и дальнейшее развитие экономической дипломатии с учетом национальных интересов Республики Беларусь.*

*Ключевые слова: экономическая дипломатия; Республика Беларусь; международные отношения; внешняя политика; торгово-экономическое сотрудничество; глобализация; Всемирная торговая организация.*

*The article is devoted to the issues of economic diplomacy. The author defines a concept of «national economic diplomacy», and reveals the historical aspects of the origin and gradual formation of economic diplomacy in the world. The author defines a priorities and further development of economic diplomacy, into the national interests of the Republic of Belarus.*

*Keywords: economic diplomacy; Republic of Belarus; international relations; foreign policy; trade and economic cooperation; globalization; World Trade Organization.*

В настоящее время экономическая дипломатия является одним из важнейших аспектов внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности любого государства, призванной выстраивать международные отношения на фоне политического диалога и продвигать национальные